

Ю.В. Лебедев

Сущность трагедии Катерины

Определяя сущность трагического характера, Белинский сказал:

«Что такое коллизия? — безусловное требование судьбою жертвы себе. Победи герой естественные влечения сердца в пользу нравственного закона — прости счастье, простите радости и обаяния жизни! он мертвец посреди живущих... (Ср.: «Я у вас завяла совсем»). Последуй герой трагедии естественному влечению своего сердца — он преступник в собственных глазах, он жертва собственной совести, ибо его сердце есть почва, в которую глубоко вросли корни нравственного закона — не вырвать их, не разорвавши самого сердца, не заставивши его истечь кровью».

В душе Катерины, героини трагедии, борются друг с другом два эти равновеликие и равнозаконные побуждения.

В первом разговоре с Варварой Островский сценически развернул историю женской души Катерины — от первых сердечных тревог, смутных и неопределенных, до осознанного понимания неотвратимости происходящего. Вначале — радостные девические сны, исполненные любви ко всему божьему миру, потом — первое, еще безотчетное переживание, проявляющееся в двух контрастных душевных состояниях: «точно я снова жить начинаю», и рядом — «точно я стою над пропастью... а удержаться мне не за что»; то ли «лукавый в уши шепчет», то ли «голубь воркует».

Над шепотом лукавого торжествует в новых снах Катерины голубиное начало, освящающее нравственно просыпающуюся любовь к Борису. В народной мифологии голубь был символом чистоты, безгреховности, непорочности. Тоска Катерины по земной любви духовно окрыленна, возвышенна, песенно чиста: «Каталась бы я теперь по Волге, на лодке, с песнями, либо на тройке на хорошей, обнявшись».

В кабановском царстве, где вянет и иссыхает все живое, Катерину одолевает тоска по утраченной гармонии. Ее любовь сродни желанию поднять руки и полететь, от нее героиня ждет слишком много. Любовь к Борису, конечно, ее тоску не утолит. Не потому ли Островский усиливает контраст между высоким любовным полетом Катерины и бескрылым увлечением Бориса?

Душевная культура Бориса совершенно лишена национального нравственного «приданого». Он — единственный герой в «Грозе», одетый не по-русски. Калинов для него — трущоба, здесь он чужой человек. Судьба сводит друг с другом людей, несоизмеримых по глубине и нравственной чуткости. Борис живет настоящим днем и едва ли способен всерьез задумываться о нравственных последствиях своих поступков. Ему сейчас весело — и этого достаточно: «Надолго ль муж-то уехал?.. О, так мы погуляем! Время-то довольно... Никто и не узнает про нашу любовь...» — «Пусть все знают, пусть все видят, что я делаю!.. Коли я для тебя греха не побоялась, побоюсь ли я людского суда?» Какой контраст! Какая полнота свободной и открытой всему миру любви в противоположность робкому, сластолюбивому Борису!

Душевная дряблость героя и нравственная щедрость героини наиболее очевидны в сцене последнего их свидания. Тщетны последние надежды Катерины: «Еще кабы с ним жить, может быть, радость бы какую-нибудь я и видела». «Кабы», «может быть», «какую-нибудь»... Слабое утешение! Но и тут она находит силы думать не о себе. Это Катерина просит у любимого прощения за причиненные ему тревоги. Борису же и в голову такое прийти не может. Где уж там спасти, даже пожалеть Катерину он не сумеет: «Кто ж это знал, что нам за нашу любовь так мучиться с тобой. Лучше б бежать мне тогда». Но разве не напоминала Борису о расплате за любовь к замужней женщине народ-

ная песня, исполняемая Кудряшом, разве не предупреждал его об этом же Кудряш: «Эх, Борис Григорьич, бросить надоть!.. Ведь это, значит, вы ее совсем загубить хотите...» А сама Катерина во время поэтических ночей на Волге разве не об этом Борису говорила? Увы! Герой обо всем забыл, никакого нравственного урока для себя не вынес. Более того, у него не хватает смелости и терпения выслушать последние признания Катерины. «Не застали б нас здесь!» — «Время мне, Катя!..» Нет, такая любовь не может послужить Катерине исходом.

Добролюбов проникновенно увидел в конфликте «Грозы» эпохальный смысл, а в характере Катерины — «новую фазу нашей народной жизни». Но идеализируя в духе популярных тогда идей эмансипации свободную любовь, он несколько обеднил нравственную глубину характера Катерины. Колебания героини, полюбившей Бориса, горение ее совести Добролюбов счел «невежеством бедной женщины, не получившей широкого теоретического образования»:

«Сила естественных стремлений... одерживает в ней победу над всеми внешними требованиями, предрассудками и искусственными комбинациями, в которых запутана жизнь ее».

Долг, верность, совесть были со свойственным революционной демократии максимализмом объявлены «предрассудками», порожденными страхом «каких-то темных сил», «условными наставлениями старой морали», «старой ветошью», от которой следует давно освободиться.

Возникает вопрос: чем же тогда отличается Катерина от таких героинь Островского, как Липочка, например, из «Своих людей...»? Вот уж для кого «условные наставления морали» действительно не имеют никакого авторитета: «Мне мужа надобно!.. Слышите, найдите мне жениха, беспременно найдите!.. Вперед вам говорю, беспременно сыщите, а то для вас же будет хуже: нарочно, вам назло, по секрету заведу обожателя, с гусаром убегу, да и обвенчаемся потихоньку». Эта грозы не испугается, сама геенна огненная таким «протестанткам» нипочем!

Объясняя причины всенародного покаяния героини, мы, вслед за Добролюбовым, делаем упор на суеверие и невежество, на религиозные предрассудки и трактуем «страх» Катерины как трусость, как боязнь внешнего наказания. Подобные объяснения из литературоведческих исследований переходят в школьные учебники и методические рекомендации. Такое «авторитарное» понимание «страха» низводит героиню до положения жертвы темного царства. Но подлинный источник покаяния Катерины в другом: в ее чуткой совести. «Не то страшно, что убьет тебя, а то, что смерть тебя вдруг застанет, как ты есть, со всеми твоими грехами, со всеми помыслами лукавыми. Мне умереть не страшно, а как я подумаю, что вот вдруг явлюсь перед богом такая, какая я здесь, с тобой, после этого разговору-то, вот что страшно»; «У меня сердце уж очень болит», — говорит Катерина в минуту признания. «В ком есть страх, в том есть и бог», — вторит ей народная мудрость. «Страх» искони понимался народом по-толстовски, как обостренное нравственное самосознание, как «царство божие внутри нас». В «Толковом словаре» В.И. Даля «страх» толкуется как «сознание нравственной ответственности». Такое определение соответствует душевному состоянию Катерины. В отличие от Кабанихи, Феклуши и других героев «Грозы» «страх» Катерины — внутренний голос ее совести. Грозу Катерина воспринимает не как невольница, а как избранница¹. Совершающееся в ее душе сродни тому, что творится в грозových небесах. Тут не рабство, тут равенство. Катерина равно героична как в страстном и безоглядном любовном увлечении, так и в глубоко совестливом всенародном покаянии.

В.М. Дорошевич, потрясенный сыгранной Стрепетовой сценой покаяния Катерины, писал:

¹ Человек, убитый молнией, признавался в народе за святого. Крестьянский мальчик Артемий из Верколы был причислен в XVI веке к лику святых, так как был убит молнией.

«Какая совесть!.. Какая могучая славянская совесть... Какая нравственная сила... Какие огромные, возвышенные стремления, полные могущества и красоты».

Друг Островского С.В. Максимов рассказывал о том, как ему довелось сидеть рядом с драматургом во время первого представления «Грозы» с Никулиной-Косицкой в роли Катерины. Островский смотрел драму молча, углубленный в себя. Но в той «патетической сцене, когда Катерина, терзаемая угрызениями совести, бросается при всем народе в ноги мужу и свекрови, каясь в своем грехе, Островский весь бледный шептал: «Это не я, не я: это — Бог». Островский, очевидно, сам не верил, что он смог написать такую потрясающую сцену». Пора и нам по достоинству оценить не только любовный, но и покаянный порыв Катерины.

Трагедия Катерины в том, что жизнь, ее окружающая, лишилась цельности и полноты, вступила в полосу глубокого нравственного кризиса. Душевная гроза, пережитая героиней, — прямое следствие этой дисгармонии. Катерина чувствует свою вину не только перед Тихоном и Кабанихой и не столько перед ними, сколько перед всем миром, перед царством высокого добра. Ей кажется, что вся вселенная оскорблена ее поведением. Только полнокровная и духовно богатая личность может так интенсивно ощущать свое единство с мирозданием и обладать столь высоким чувством ответственности перед высшей правдой и гармонией, которая в нем заключена.

Выступая всей жизнью своей против деспотизма, против авторитарной морали, Катерина доверяется во всем внутреннему голосу совести. Пройдя через духовные испытания, она нравственно очищается и покидает греховный калиновский мир человеком, переболевшим его болезнями и муками своими одолевшим их.

Демократическому мирозерцанию Катерины неприемлем далекий и страшный бог Кабановых. Воспитанная в народных традициях, она не принимает религии власти и страха, в ее душе играет более живая и свободная религия любви, принимающая всю полноту бытия, ничего в нем произвольно не усекая. Душа Катерины в калиновском царстве раскалывается, проходя грозное крещение между двумя противоположно заряженными полюсами любви и долга, чтобы вновь прийти к гармонии и добровольно оставить этот мир с сознанием своей правоты: «Кто любит, тот будет молиться». Героиня живет идеалами, снимающими крайности домостроевского аскетизма и анархического разгула во имя более высокой и гармоничной нравственной идеи.

Д. Писарев подметил в поведении Катерины перед самоубийством замечательную перемену:

«В последние минуты Катерина до такой степени забывает о загробной жизни, что даже складывает руки крест-накрест, как в гробу складывают; и, делая это движением руками, она даже тут не сближает идеи о самоубийстве с идеею о геенне огненной».

К сожалению, Писарев видит здесь проявление алогичности и непоследовательности ее характера. В действительности же решение покончить с собой приходит к Катерине вместе с внутренним самооправданием, с ощущением свободы и безгреховности после пережитых ею нравственных бурь. Теперь, к концу трагедии, исчезает страх геенны огненной, и героиня считает себя вправе предстать перед высшим нравственным судом. «Смерть по грехам страшна», — говорят в народе. И если Катерина смерти не боится, значит, грехи искуплены.

Смерть Катерины наступает в момент, когда умереть для нее святее, чем жить, когда смерть оказывается единственным достойным исходом, единственным спасением того высшего, что в ней есть. Эта смерть напоминает молитву юной героини в храме природы, возвращая нас к началу трагедии. Смерть освящается той же полнокровной и жизнелюбивой религиозностью, которая с детских лет вошла в сознание Катерины, религиозностью типично народной, которая в стихотворении Некрасова «Похороны», например, тоже оправдывает заезжего интеллигента-самоубийцу, заступника народного:

И пришлось нам нежданно-негаданно
Хоронить молодого стрелка,
Без церковного пенья, без ладана,
Без всего, чем могила крепка...

«Отпевание» совершается не в церкви, а в поле, под солнцем вместо свечей, под птичий гомон, заменяющий церковное пение, среди колыхающейся ржи и пестреющих цветов. И «упокоился» «бедный стрелок» по воле народной «под густыми плакучими ивами» со всеми признаками утверждаемого народом бессмертия:

Будут песни к нему хороводные
Из села по заре долетать,
Будут нивы ему хлебородные
Безгреховные сны навевать...

Не то же ли самое проносится в сознании решающейся на самоубийство Катерины? «Под деревцом могилушка... как хорошо!.. Солнышко ее греет, дождичком ее мочит... весной травка на ней вырастет, мягкая такая... птицы прилетят на дерево, будут петь, детей выведут, цветочки расцветут: желтенькие, красненькие, голубенькие... всякие... Так тихо! так хорошо! Мне как будто легче! А об жизни и думать не хочется». Жизнь Катерины в Калинове превращается в прозябание и увядание, в смерти же видится полнота утверждения истинной жизни, которая окрыляла героиню в юности и которой не нашлось приюта в мире Диких и Кабановых, в кризисной буржуазной России.

Катерина умирает удивительно, ее смерть — последняя вспышка радостной и беззаветной любви к деревьям, птицам, цветам и травам, к красоте и гармонии божьего мира.